

Е. Б. Рашковский

Время Запада и Востока

(философические заметки к статье Г. И. Мирского «Запад и Восток, христианство и ислам»)

*Сказал задумчивый Фома: /.../**Но мысль о времени сильнее женщин. Да!**Споём песенку о времени, которую мы поём всегда:**Легкий ток из чаши А**Тихо льется в чашу Бе,**Вяжет дева кружева,**Пляшут звезды на трубе.**/.../**Год за годом, день за днем**Звездным мы горим огнем /.../*

Николай Заболоцкий, 1933

Начну с благодарности.

Я признателен Георгию Ильичу за то, что он поставил перед нами такое множество вопросов. Постановка вопросов (в том числе и вопросов, по существу не решаемых) – необходимая и всегда стимулирующая часть жизни интеллектуальных сообществ. На мой взгляд, гуманитариев и политологов это касается в особой мере.

Одним из центральных вопросов, поставленных Георгием Ильичом, является вопрос о некоторой архетипической и постоянно кровоточащей истории несовместимости между Западом и Востоком. Причем, в трактовке Георгия Ильича Восток представлен в образе некоего пространственно-исторического континуума Восточной Европы, Западной Азии, Северной Африки (византизм – славянство – ислам – арабский мир¹). Правда, картина осложняется тем, что есть еще и другие «Востоки»: Индуистский ареал, ареал Юго-Восточной Азии, Сино-иероглифической (Конфуцианский) ареал. Причем на разных этапах своей истории эти три огромные человеческие общности

¹ Иранский «сектор» Исламо-арабского мира весьма специфичен даже и в контексте «Обители ислама».

демонстрируют разные (и подчас не схожие с арабо-исламским миром) формы взаимодействия с Западом.

Участвуй в этой дискуссии рижский профессор, нейрофизиолог Виктор Вульфович Аршавский, – он поднял бы вопрос о цивилизационно-культурных предпосылках доминирования на Западе и на условном Востоке (на том самом исламском Востоке, который был маркирован Г. И. Мирским) двух несхожих психосоматических типов: рационального, «лево-полушарного» – и «право-полушарного», того, что мыслит мир и свою среду прежде всего эмоционально окрашенными образами².

Так-то оно так, но вот если присмотреться к истории европейской культуры, то высшие ее достижения, включая и достижения в науке, связаны не просто с рациональными (лево-полушарными) способами освоения мира, но как раз с комбинированием и взаимным дополнением рациональной и эмоционально-образной (право-полушарной) активности не просто мозга, но самой человеческой экзистенции³. Иначе, – как бы сформировалось творчество Боттичелли и Рафаэля, Шекспира и Сервантеса, Канта и Фрейда, Моцарта и Грига? А уж о дарвинах и Эдисонах – не говорю...

А если вспомнить об «облученных» лево-полушарным европеизмом славянских культурах, – как бы сформировалось творчество Пушкина и Мицкевича, Шопена и Чайковского, Пастернака и Чеслава Милоша?

Предвижу возражение: а что это Вы, дорогой мистер, всё об элитарной культуре нам рассказываете? А как же трудящиеся, то бишь народные, массы? – Это возражение я бы отпарировал таким образом: как можно представить себе полноту и внутреннюю динамику народов и культур помимо элит, «творческих меньшинств»? Конечно, история знает попытки из уничтожения. Но знает она и горькие последствия этих попыток для самих «трудящихся», но также и нетрудящихся (люмпенских или проедающих, пропивающих и прокуривающих свою жизнь), масс.

Не в моих правилах искать однозначно-редукционистские ответы на вопрос о западном культурном «чуде», которые и поныне провоцирует комплексы «рессантимента» (т.е. внутреннего агрессивного ожесточения) у сотен, если не тысяч, незападных идеологов, политиков, демагогов и террористов, не говоря уже об одержимых антизападников на самом Западе. На мой взгляд, у истоков этого чуда – сложнейшее силовое поле экологических, лингвистических, культурно-исторических и всяческих иных мотиваций. Здесь более всего сделали французские историки школы «Анналов», хотя, на мой взгляд, им не всегда доставало по-настоящему глубоких религиозно-философских горизонтов.

Но вот на одну уникальную черту западного развития мне бы – вслед за Георгием Ильичом – хотелось бы обратить внимание. Это – проблематика *времени*.

² Согласно В. В. Аршавскому, доминирование этих взаимодействующих типов в тех или иных человеческих общностях имеет предпосылки не расовые, но культурно-исторические и социальные. – См.: *Аршавський В. Особливості інформаційних процесів у лівій та правій гемосферах великого мозку людини // Права людини в Україні. Вип. 19 (Проблеми метаетики та метаправа).* – К., 1996. С. 39-51.

³ А теолог или экзистенциальный философ подсказал бы нам, что это взаимное восполнение и служит предпосылкой развития духовных горизонтов личности.

Обычно рассуждают о векторном времени Запада и о циклическом времени Востока. Да я и сам рассуждал в ранних своих статьях и книгах. Однако теперь мне хотелось бы переместить разговор в иное теоретическое пространство.

Если исследовать глубинные внутренние содержания европейской культуры (св. Августин, Фома Кемпийский, Кант, поздний Маркс, Бергсон, Эйнштейн, Хайдеггер...), – то каждый из этих мыслителей – на свой лад – приходит к идее, что ни деньги, ни власть, ни технологии, но именно *время* – время, открывающее себя Вечности, – оказывается основным содержанием личности, культуры, общества. Не оттого ли европейская классическая музыка, которая в настоящее время привлекает к себе такое множество солистов-виртуозов, рядовых исполнителей и просто любителей из стран Дальневосточного региона, оказывается подлинным содержанием, подлинной эзотерией культурной памяти Европы? Что можно противопоставить этому богатству, которое возделывает внутреннюю жизнь и внутреннюю креативность человека (его *durée*), откуда бы он не произошел? – Разве что духовно жалкую, хотя и исторически разрушительную агрессию «идентичности»...

Можно было бы в этой связи обратить внимание на своеобразное сочетание рациональности и эстезиса в культурах Дальнего Востока. Старая хлесткая формула Мережковского («желтолицые позитивисты») не оправдывает себя. Момент эстезиса обоснован не только в философском (даосизм, чань-буддизм) и не только в художественном, но и в научном и технологическом творчестве дальневосточных народов. На последнее обстоятельство британский историк и науковед Joseph Needham обратил внимание еще в середине прошлого века.

Во всяком случае, между калькулируемым временем (которое, наряду с народами Запада, так остро, хотя и по-иному, чувствуют народы Дальневосточного ареала) и богатством времени экзистенциального – абсолютного водораздела не существует, как не существует абсолютного водораздела между «алгеброй» и «гармонией». Они восполняют и воспроизводят одна другую.

...А уж если припомнить в этой связи бесконечные геростратовы подвиги нынешних ближневосточных и африканских «боко-харамов»⁴, стремящихся, кстати сказать, уничтожить и культурную память исламских народов⁵, всё же можно вспомнить слова из гётевского «Фауста»:

Так вот он в чем, твой труд почтенный!

Не сладив в целом со Вселенной,

Ты ей вредишь по мелочам?»⁶ (Пер. Б. Пастернака).

⁴ Буквально: Западное – под запрет!

⁵ Злонамеренное разрушение археологических и религиозных памятников Афганистана, Ирака и Сирии, сожжение средневековой мусульманской библиотеки в Тимбукту... А оглядываясь в прошлое, можно вспомнить в этой связи злодеяния советских и китайских хунвэйбинов (буквально: красногвардейцев), немецких национал-социалистов...

⁶ В оригинале:

Nun kenn ich deine wülden Pflichten!

Культура, во всех ее достижениях, противоречиях и срывах, всегда испытывается на прочность. Силы внутреннего и внешнего варварства «оперативнее» и мобильнее сил созидания. Если вспомнить Августина, «изводить» всегда легче, чем «производить». Тем более, что нынешнее стихийное глобальное варварство оперирует постмодерным, «клиповым» мышлением, оперирует поверхностной комбинаторикой кратковременных образов. Причем и на Востоках, и на Западе, да и не в последнюю очередь у нас на Руси⁷.

Однако творческое, креативное время – если опять-таки вспомнить Августина – не имеет временного предела. И в этом – некоторый проблеск надежды.

И еще скажу.

Взаимодействие мысли и времени превращает время в историю. Ибо история есть время, мыслящее себя в человеке и через человека. Истребление мысли извне или ее внутреннее истощение (когда она «заигрывается» сама с собой, со словом и с миром) – одна из предпосылок срывов и падений исторической волны: это касается судеб и наций, и регионов, и Запада, и Востока, и судеб глобальных. Но глубоко личная работа над мыслью, над восстановлением и развитием мысли, – работа, сочетающая в себе начала и рационального, и интуитивно-образного мышления, – сообщает истории воистину человеческие, персоналистические черты. Посему торопиться на отпевание Запада, включая Северную Америку и сложный Славяно-русский мир представляется мне вещь несколько преждевременной. И можно вспомнить в этой связи прекрасный московский интеллигентский тост брежневских времен:

«Так выпьем же за успех нашего безнадежного дела!»

Москва, 02.04.2015

Du kannst in Grossen nichts vernichten

Und fangst es nun in Kleinen an.

(Teil 1, Sz. "Studierzimmer").

Беда только, что что "in Kleinen" оборачивается для людей неизмеримыми страданиями...

⁷ См.: *Рашковский Е. Б.* Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. – М.: РОССПЭН / ИМЭМО РАН, 2012. С. 354-364.